

Разве много найдется тех, кто способен просчитывать всё на тысячи ли вперед и вершит победы, не сходя с места? В будущем слишком много неизвестных, и пока не сделаешь шаг, никогда не узнаешь, что произойдет.

Си-фэй ненадолго задумалась и спокойно произнесла:

— Время поджигает, иди в школу. А-яо, поручаю тебе Седьмого. А насчет поездки мне еще нужно подумать... Боюсь, ее едва ли удастся избежать.

Перед уходом Лу Цзыяо тихо напомнил:

— Хотя мне и не следует вмешиваться в личные дела вашей дворцовой усадьбы, всё же прошу ваше высочество проявить осторожность в отношении вашей челяди.

Си-фэй ответила:

— Я всё понимаю, не беспокойся.

*

Когда Лу Цзыяо пришел в спальный дворец, чтобы забрать седьмого принца в школу, он случайно застал Ицю за клеветой в свой адрес.

— Будь он искренне предан вам, разве стал бы тогда первым ломать вашу любимую лошадку-качалку?!

Кормя седьмого принца финиковым отваром, Ицю пыталась промыть ему мозги:

— Ваша слуга подобрала для вас целый ряд благородных юношей с чистыми помыслами. Они старше Лу Цзыяо, начитаннее Лу Цзыяо, да и ростом повыше, постатнее Лу Цзыяо — уж они-то сумеют защитить ваше высочество.

За дверью Лу Цзыяо от этих слов едва не закатил глаза к небу.

Разве третьего принца оставит какой-то компаньон постарше?

Кто, кроме Лу Цзыяо, вообще посмеет пойти против тун-фэй?

Даже сам седьмой принц в спальнях покоях не выдержал и, надувшись, громко возразил:

— Чем Лу Цзыяо... Чем Лу Цзыяо...

Лу Цзыяо мысленно подсказал ему: «Разве есть кто преданнее Лу Цзыяо?!»

Однако уровень телепатии с седьмым принцем был равен нулю, и тот во весь голос выкрикнул:

— Чем Лу Цзыяо глупее?!

Глупый Лу Цзыяо: «...»

А угол для возражения подобрал действительно хитроумный. Теперь-то Ицю не сможет оспорить?

Похоже, с этим пухлым малышом их судьбы разводят навсегда.

Никакого молока «Ванцзай» он больше не получит!

*

Несколько дней подряд третий принц больше не приходил в школу устраивать неприятности.

Пятый принц и шестой принц решили, что третий брат до смерти испугался тарана Седьмого, и потому возомнили Седьмого героем, с утра до вечера нахваливая его непобедимую храбрость.

От этой похвалы пухлый малыш так раздулся от гордости, что каждый день требовал двойную порцию молока!

Во время тренировки по каллиграфии прямо на тыльную сторону ладони Лу Цзыяо неожиданно села здоровая букашка. Перепугавшись, он выронил кисть.

Сидевший рядом седьмой принц скосил глаза, увидел жука на руке Лу Цзыяо, и на его щекастой мордашке отразилось некое пренебрежение. Тотчас же он сердито зарычал на жука!

Букашка улетела.

— Хм-м, — бесстрашный седьмой принц совершил новый подвиг и, задрав свое щекастое личико, уставился на Лу Цзыяо в ожидании похвалы.

Лу Цзыяо: «...»

Этот жук просто случайно улетел, а вовсе не из-за твоих рычаний!

Однако седьмой принц так не считал. Не дождавшись похвалы, он уставился на глупого Лу Цзыяо свирепым взглядом и нетерпеливо заболтал пухлыми ножками.

— Ваше высочество так сильны! — испытывая стыд, сдался Лу Цзыяо.

Седьмой принц снова одержал победу над злом, гордо выпятив грудь вместе со своим пухленьким животиком.

Так как малый владыка «прославился в одной битве», служанки из свиты седьмого принца тоже почувствовали невероятную гордость. Даже просто кормя его обедом, они неизменно хвастались.

Они говорили:

— Наш седьмой принц обладает и величием князя, и статностью великого полководца! Кто знает, быть может, в будущем он поведет войска от имени Императора и разгромит всех вокоу!

Лу Цзыяо, слыша это, едва сдерживал смех.

Амбиции этих служанок всё еще недотягивали до возможностей будущего князя Нина. Когда этот детеныш Лун Аотяня подрастет, разве нужно будет ему вести войска за Императора?

Он сам станет Императором!

Однако служанки неверно поняли причину смешка Лу Цзыяо. Подумав, что тот презирает седьмого принца, они одна за другой вспыхнули от праведного гнева ради своего господина и, пылко изъявляя преданность, набросились на Лу Цзыяо:

— Чего ты смеешься?!

Лу Цзыяо все равно хотелось смеяться: когда седьмого принца обижал третий принц, что-то вас видно не было?

Увидев, что этот сопляк осмеливается смотреть на них с насмешкой, служанки распались еще пуще. Они тут же повернулись к седьмому принцу и начали доносить, мол, Лу Цзыяо презирает своего господина!

Насытившийся седьмой принц уже клевал носом. С совершенно бесстрастным лицом он поднял голову и посмотрел на Лу Цзыяо.

Лу Цзыяо: «...»

Заметив недовольную мину принца, служанки злорадно замерли, ожидая, как Лу Цзыяо достанется на орехи.

Ишь, выслужился перед принцем и госпожой и задрал нос!

Ну теперь-то принц устроит ему разнос!

Седьмой принц спрыгнул с табуретки, с мрачным видом подошел к Лу Цзыяо и величественно уставился на него снизу вверх.

Лу Цзыяо подумал, что этого пухлого малыша и впрямь сравнили с ним. Только он собрался объяснить, как седьмой принц вдруг уткнулся своим щекастым личиком ему под руку и пробормотал:

— Ваше высочество хочет спать?

Лу Цзыяо: «...»

Оказывается, он просто устал и пришел к нему спать.

У служанок от досады аж рты перекосило. Раньше, когда Лу Цзыяо еще не появился, принц, желая спать, всегда выбирал самую близкую дворцовую девушку и просился на ручки, а теперь вся милость испарилась — досталась Лу Цзыяо!

Под испепеляющими взглядами служанок Лу Цзыяо почувствовал себя не по себе. Взглянув на пухлый комочек в своих руках, он смутно ощутил, будто на нем аршинными буквами написано: «Фаворит номер один во всем дворце»...

*

Все эти дни си-фэй непрестанно молилась, надеясь, что слухи, принесенные Лу Цзыяо, окажутся пустыми сплетнями.

Но даже если это правда, Император должен был призвать Императрицу сопровождать его в поездке, ведь не мог же он взять с собой только ее одну?

Однако то, чему суждено было случиться, всё же произошло.

В тот день после завершения утренней аудиенции Император с улыбкой пришел в ее дворец откусать и с порога спросил:

— Любимая наложница, слыхала ли ты о красотах земель Башу?

Лицо си-фэй мгновенно побледнело.

— Ваша слуга кое-что слышала. Край Башу со всех сторон окружен горами, утесы там круты, а перевалы опасны — от одних лишь рассказов охватывает страх, — си-фэй тут же дала понять, что желает отказаться.

Император привык к тому, что все ему поддакивают, и никак не ожидал, что она станет возражать. Услышав ее слова, он с удивлением повернулся к си-фэй.

Взгляд этих ястребиных глаз заставил сердце си-фэй вздрогнуть. Она поспешно опустила голову, демонстрируя покорность и слабость:

— Мои слова могут показаться Вашему Величеству смешными... Наложница с детства росла на крошечных равнинных землях и настоящих гор отродясь не видела, разве что взбиралась на небольшие холмы. Я с рождения боюсь высоты, и когда Ваше Величество упомянул окруженный горами край Башу, мне даже слушать об этом стало страшно...

— Вот оно что, — кроткий и нежный вид маленькой красавицы разжег в сердце Императора огонь. Он потянул к себе ее табурет, приблизился, сжал ее в объятиях и ласково заговорил: — Раз уж ты прибыла в Великую Ци, пора бы привыкать. Иначе все живописные горы и красоты Поднебесной пройдут мимо тебя. А это было бы слишком досадно.

Си-фэй покоилась в его теплых объятиях, но кровь в ее жилах леденела.

Этот человек и на ложе, и вне его всячески баловал ее. Неужели всё это лишь для того, чтобы разыграть спектакль о государе, ослепленном женской красотой? Чтобы простые люди проклинали не жестокость правителя, а губительную красоту, разрушающую государство?

Си-фэй почувствовала лишь жалкую и горькую иронию над тем трепетом, который она изредка ощущала к нему все эти годы.

Если бы Император хоть на долю малую питал к ней искренние чувства, с чего бы ему навешивать на нее столь ужасное клеймо?

В заднем дворце было множество нелюбимых наложниц, и увлеченность Императора си-фэй по меньшей мере на семь десятых была настоящей.

Именно поэтому роль обольстительной фаворитки, сбивающей государя с пути, в ее исполнении выглядела в глазах Поднебесной наиболее убедительно.

Император не то чтобы не любил ее, он просто куда больше любил самого себя.

Си-фэй подавила обиду и с обычной кокетливостью пролепетала:

— Наложница от природы боится высоты. Прогуливаясь по саду, я даже через каменный мостик с трудом перехожу — обязательно нужна чья-то рука. Если Ваше Величество желает, чтобы я привыкала, я буду ходить по мостику по десять раз в день, ладно?

Император ухмыльнулся и, наклонившись, похлопал ее по плечу:

— И сколько же ты так будешь тренироваться? Я намереваюсь взять тебя с собой в поездку в Башу, показать великие горы и реки, так что там у тебя будет предостаточно возможностей

поупражняться.

Си-фэй в ужасе вырвалась из объятий Императора, распрямилась и дрожащим голосом вымолвила:

— Ваше Величество, вассальная наложница не посмеет карабкаться на горы!

— Твоему хрупкому телу, разумеется, не под силу карабкаться по кручам, да и я не отдам тебя на эти мучения. Сейчас как раз готовится строительство Шуского тракта, так что по пришествии времени карета повезет тебя прямо по казенной дороге, поднимаясь в горы.

Император изогнул губы в улыбке, в его величественных глазах промелькнула нежность. Взяв левую руку си-фэй, он приложился к ней поцелуем, затем поднял взгляд, мягко посмотрел на нее и тихо прошептал:

— Даже если мне придется лично нести тебя на вершину на своей спине, я не позволю твоим расшитым туфелькам покрыться хоть каплей грязи.

Си-фэй замерла как истукан, глядя на этого красивого и «страстно влюбленного» мужчину.

Простые смертные полагают, будто правитель всея земли может получить любую женщину и потому ему не нужно ухаживать и ублажать их, не ведая, что Император, напротив, разбирался в любовной игре лучше большинства мужчин из народа.

Перепробовав огромное множество женщин, Император прекрасно знал: ложиться в постель с той, которая искренне в тебя влюблена, в сотни раз приятнее.

Хотя бы ради собственного удовольствия он никогда не проявлял излишней холодности к той, которая была ему интересна.

К тому же Император Великой Ци обладал безупречной внешностью: статный, ростом в восемь чи, с лицом благородным, словно резной нефрит, в одеяниях с широкими рукавами и в пурпурно-золотой короне.

Будь он даже обычным молодым господином из чиновничьего рода, с такой внешностью ему не составило бы никакого труда очаровать любую девицу, что уж говорить о его императорском сане.

Си-фэй и сама питала к нему долю искренних чувств.

Не помни она предупреждения Лу Цзыяо, си-фэй уже давно от растроганности лишилась бы способности здраво мыслить и без колебаний согласилась бы.

<http://bllate.org/book/18379/1766832>